

"Застой" - стабилизация или внутрисистемный кризис ?

Брежневская эпоха вошла в современную литературу под емким названием "застой". Ее также называли "время консерваторов". Нередко и критики этой эпохи, и ее апологеты выделяли в своих работах какую-либо одну сторону жизни советского общества: первые положительную, вторые отрицательную. Одни подчеркивали, что за двадцать лет рассматриваемого периода Советский Союз достиг своего апогея, а его глобальная мощь указывала на смещение соотношения сил между двумя мировыми социальными системами "в пользу социализма". Сторонники другого направления отмечали, что за внешними признаками имперского величия Советского Союза скрывались внутренние болезни системы, вступившей в стадию разложения и исчерпавшей внутренний потенциал для своего дальнейшего развития. М.С.Горбачев, предпринявший последнюю попытку реформирования советской системы, первым назвал предшествующую брежневскую эпоху "периодом застоя". Сделано это было, по всей видимости, для того, чтобы на фоне предшествующего периода оттенить собственный курс реформ и те успехи, которые казались новому руководителю страны легко достижимыми на начальном этапе перестройки. С легкой руки Горбачева термин "застой" получил в отечественной литературе права гражданства. В последующем он переключался из политического лексикона в исторические работы, став своеобразной визитной карточкой рассматриваемой эпохи.

Многие ученые считали ошибочным утверждение о застое в социально-экономическом развитии страны в 1965-1982 гг. на том основании, что за указанный период объем промышленного производства в СССР вырос почти в три раза, а сельского хозяйства в 1,5 раза; национальный доход увеличился в 2,5 раза, а капиталовложения - в 2,7 раза. Почти вдвое выросли показатели по важнейшим видам продукции в стране (производство электроэнергии, добыча нефти и газа, выплавка чугуна и стали, производство автомобилей и тракторов). По мнению этих ученых, разговоры о застое возникли по двум причинам. Во-первых, в связи со снижением темпов экономического роста в 80-е годы в сравнении с 60-ми годами. Это снижение стало результатом того, что в указанный период произошел переход с экстенсивного на интенсивный путь развития экономики как прямое следствие насыщения народного хозяйства СССР важнейшими видами продукции. Вторая причина - "реальный застой в общественно-политической жизни", связанный в первую очередь с "укреплением личной власти Брежнева" и соответствующей этому кадровой политикой (См.: Валовой Д. Ослепленные властью. Экономическая повесть. М., 2002, Стр. 128-130)

Ученые отмечали два разных по своему содержанию периода брежневского правления: первый - с 1965 по 1968 гг., когда советская политика исходила из необходимости "предотвратить войну", "сдвинуть сельское хозяйство с мертвой точки", "ускорить развитие группы "Б", когда по всем этим направлениям имелись "положительные результаты". Вторым периодом, ускорившийся после чехословацких событий 1968 г., характеризовался, по мнению этих ученых, тем, что курс на стабильность, не сопровождавшийся развитием демократии, необходимыми переменами, обновлением кадров, начал "порождать застой", который, в свою очередь, стал источником "бесконтрольной бюрократизации, нравственно-политического разложения работников партийного и государственного аппарата". Именно такую точку зрения отстаивал в своих работах А.Бовин, более десяти лет работавший в аппарате ЦК КПСС. В конце 80-х годов Бовину, по его собственным словам, было понятно, что модель социализма, созданная в 30-50-е годы, "полностью исчерпала свои возможности". Он ставил в вину брежневскому руководству, что оно вовремя не научило народ "что и как надо строить". Однако, как и многие другие, Бовин полагал, что у

социализма, как у всякой укоренившейся социальной системы, был "необходимый запас прочности". Проблема, по мнению Бовина, заключалась в том, чтобы заменить изжившую себя модель социализма другой, "более жизнеспособной" (См.: Л.И.Брежнев: Материалы к биографии / Сост. Аксютин Ю.В. - М., 1991, Стр. 92-102).

Данной позиции придерживаются многие ученые. Некоторые из них убеждены, что первые пять лет правления "коллективного руководства" во главе с Брежневым содержали "многочисленные варианты альтернатив", что именно в это время определялся внутривнутриполитический курс Советского Союза, поэтому было бы исторически неправильным определять снятие Хрущева с поста руководителя страны как простое "возвращение к неосталинизму". Вслед за Бовиным и другими политологами, они считают, что одним из важнейших факторов, определивших поворот к застою и последующему кризису советской системы, стали события 1968 г. в Чехословакии. Коммунистическая элита стран, входивших в так называемый социалистический лагерь, усмотрела в попытках реформаторов построить "социализм с человеческим лицом" угрозу утраты своей власти. В конечном счете именно это обстоятельство вызвало поворот к борьбе с инакомыслием во всех областях жизни страны - в экономике, культуре, науке, внешней политике. Так, по мнению Р.Г.Пихоя, неосталинизм включал в себя строжайший идеологический контроль и диктат в политической жизни страны, преследование любого инакомыслия, радикальное повышение роли КГБ в обществе, сопоставимое только с ролью ЦК КПСС, а "в ряде случаев даже превосходившее своим влиянием ЦК КПСС". Он также считал, что после чехословацких событий и свертывания экономической реформы Косыгина, отныне и до конца 80-х гг. утверждается убеждение "в практической неререформируемости советского социализма". (См.: Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945-1991. М., 1998, Стр. 343-345, 412).

По мнению Ф.Бурлацкого, понятие "застой" нуждается во взвешенной оценке, поскольку если для экономики тенденция к стагнации обнаруживалась все более зримо, то в области политики и морали имел место не просто застой, а "откатывание назад" в сравнении с десятилетним периодом хрущевской оттепели. Он выражал резкое несогласие с концепцией "двух Брежневых" - до середины 70-х годов и после; выступал против утверждения будто Брежнев был в самом начале своей деятельности сторонником реформ. Брежнев, по мнению Бурлацкого, был типичным аппаратным деятелем "областного масштаба", "флюгерным лидером", стоявшим на "центристских позициях". (См.: Л.И.Брежнев: Материалы к биографии / Сост. Аксютин Ю.В. М., 1991, Стр. 102-122).

Общий вывод многих критических публикаций о "застое" сводится, как правило, к тому, что в брежневские годы судьба страны определялась не интересами общества, а "эгоистическими интересами консервативных сил". Отсюда такое внимание к политической истории тех времен, стремление изобразить Брежнева "изворотливой, хитрой и ловкой посредственностью", утверждения о "принципиальных разногласиях" во внешней и внутренней политике между Брежневым и Косыгиным, попытки объяснить кризисные явления в высшем руководстве исключительно "раблепством ближайшего окружения" Брежнева. Именно такую картину, например, нарисовал в своих воспоминаниях бывший партийный деятель и историк П.А.Родионов. Похожий портрет Л.И.Брежнева изображен во многих мемуарах политических деятелей брежневской эпохи.

Некоторые современные российские историки при характеристике брежневской эпохи основное внимание уделяли оценке внутренней политики партии, квалифицируя ее как "консервативную". Сюда они относили контрреформы в области партийного и советского строительства (объединение промышленных и сельских областных, краевых

парторганизаций и советских органов), ликвидацию совнархозов и восстановление отраслевых министерств, частичную реабилитацию Сталина, политику стабильности кадров, которая обернулась на практике торжеством геронтократии, неприятие реформ в области экономики. По их мнению, централизация и бюрократизация управленческого аппарата, его быстрое разбухание стали следствием отказа советского руководства от экономических методов управления (См.: Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1938-2002: Учебное пособие. М., 2003, Стр. 239-257).

Известный биограф советских вождей Д.Волкогонов полагал, что брежневский курс представлял "некий "новый" путь: между реформизмом Хрущева и диктатурой Сталина", который сложился как результат, с одной стороны, нежелания общества возвращаться к ужасам большевистской диктатуры, с другой - как попытка властей использовать социальную инерцию движения хрущевского периода "ничего кардинально не меняя и не реформируя". Выбор брежневским руководством консервативной политической линии определялся, по мнению историка, объективными факторами: конфликтом между обществом и властью, не желающей возвращаться к старому и не имеющей достаточно сил, чтобы продолжать курс реформ. Таким образом, брежневизм, согласно Волкогонову, - исторически закономерный этап в жизни советского общества. Состояние стабильности советского общества было, по мнению Волкогонова, результатом определенных исторических условий, в которых находился Советский Союз в эти годы. Важнейший фактор - достижение военно-стратегического паритета с США, заключение в 1972 г. договора между двумя странами об ограничении системы противоракетной обороны и подписание в 1973 г. документа о предотвращении ядерной войны между СССР и США. Обратной стороной этого равновесия, достигнутого в ходе непрекращающейся гонки вооружения, стало истощение советской экономики. При общей стагнации системы резко "прибавил" только военно-промышленный комплекс, усилились многие виды Вооруженных Сил и окреп КГБ. Второй важнейший фактор застоя - кризис бюрократической системы управления. Он заключался в том, что руководство партии и государства "не хотело замечать" отрицательных явлений в жизни советского общества, главной заботой "верхов" в этот период стало сохранение "обстановки полного единодушия" в собственной среде. Именно этими словами, указывал Волкогонов, заканчивались все партийные форумы страны - от заседаний Политбюро и Секретариата до съездов и пленумов партии (См.: Волкогонов Д. Семь вождей: Галерея лидеров СССР. Кн. 2, М., 1995, Стр. 29-38).

Основная идея, которую выдвигали и отстаивали Р.Медведев, А.Бовин, Ф.Бурлацкий и их сторонники, - доказать, что советская социалистическая система подлежала реформированию и если бы был продолжен курс хрущевских реформ, страна могла преодолеть тот системный кризис, в котором Советский Союз оказался главным образом по причине низкой компетентности брежневского руководства. В качестве основной причины смены курса, как правило, называли внешнеполитический фактор, когда пражская весна 1968 показала, что экономическое оживление и рост благосостояния далеко не гарантировали политической стабильности в обществе, а нередко на их базе возникали требования политических перемен, несовместимые со строительством социализма. Поэтому пражская весна рассматривалась Брежневым и его окружением как "атака на партию и на само дело социализма в Чехословакии", которое следовало защищать с помощью военной силы. Не найдя адекватного ответа на этот вызов времени, Брежнев и его окружение решили перейти к полной консервации системы. Такова в своей основе логическая канва большинства исследований по брежневской эпохе.

Отметим еще одну особенность работ вышеназванных авторов. Как правило, многие из них написаны активными участниками событий того времени, когда роль многочисленных "советников" вождя в решении важных политических вопросов многократно повысилась - отсюда желание мемуаристов представить свои действия в выгодном свете. Поэтому свои неудачи на посту "советников" они, как правило, связывали с тоталитарным сталинским наследием, наиболее полно сохранившемся в советской политической системе и ее институтах.

По мнению сторонников модернизационного подхода, с петровских времен и вплоть до нынешних в России правители пытались осуществить модернизацию страны, каждый по-своему, но общим для всех начинаний было то, что в триаде личность - общество - государство "доминировало государство". Так, по мнению В.В.Согрина, Советский Союз, как некогда Российская империя, пытался провести модернизацию страны "на основе мобилизационной модели" и под "верховенством вотчинного государства". Обе попытки закончились распадом великих империй, поскольку не носили "органический" характер, а также по причине того, что устойчивыми характеристиками российской имперской политики были "мессианизм и экспансионизм", которые отвлекали общество и ресурсы на решение сугубо внешних задач в ущерб внутренним. В русле этой теории, Согрин выделял брежневский период как качественно отличный от хрущевского. Если Хрущев, вслед за Сталиным, пытался вторично осуществить советскую модернизацию "сверху", то после его отставки новое руководство страны осознало значение модернизации "снизу". Об этом, по мнению Согрина, свидетельствовала косыгинская реформа, допускавшая "развитие инициативы и самостоятельности промышленных предприятий и колхозов". Реформа закончилась неудачей поскольку, считал Согрин, партийное руководство "смертельно испугалось" возможности сужения экономического и политического "всевластия КПСС" (См.: Согрин В.В. Уроки российской истории и современные реформы // Вопросы философии, 2003, N 11, Стр. 3 - 23).

Один из сторонников теории модернизации Е.И.Пивовар обращал внимание на то обстоятельство, что процесс глобализации, который охватил СССР в 60-80-е годы XX столетия, оказал не менее серьезное воздействие на результаты "советского эксперимента", чем "ошибки, просчеты, слабости" послесталинского руководства. Он отметил, что советское общество в рассматриваемый период переживало качественно новый этап урбанизации, связанный с преобладающим ростом городского населения и резким повышением образовательного уровня в стране. В то же время предшествующий этап индустриализации в СССР "не был завершен", а высокие технологии господствовали только в военно-промышленном комплексе. Одновременно с качественным изменением социальной структуры страны росла "тяга широких слоев общества к массовому потреблению", но советская экономика не могла удовлетворить эти требования, поскольку существовала в условиях "всеобщего дефицита". В результате произошло "разочарование" среднего класса Советского Союза в советской системе (См.: Россия в XX веке: Реформы и революции. М., 2002, Т. 2, Стр. 371-374).

Некоторые ученые, сторонники феномена цикличности, объясняли застойные явления 60-80-х годов XX столетия преобладанием контрреформаторской тенденции в развитии экономики и общества СССР. Так, по мнению В.Т.Рязанова, в отечественной истории с XVIII и до XX века включительно периоды реформ сменялись контрреформами. В предшествующий брежневскому реформистский период Хрущева в народном хозяйстве СССР завершилось оформление современного комплекса отраслей, связанных с научно-технической

революцией (в первую очередь, освоение космоса и выпуск сложной оборонной техники). Помимо этого выросли реальные доходы населения и этот рост продолжался и в брежневские времена. Фактически заново были созданы отрасли, работающие на потребительский рынок - электробытовая техника, массовое жилищное строительство, автомобилестроение и пр. Рязанов объяснял это практической реализацией курса на "экономическую заинтересованность хозяйствующих субъектов". Что же помешало развиваться реформистским тенденциям в брежневские годы ? По мнению Рязанова, таких причин контрреформ было несколько. Одни лежали в экономической плоскости, другие - в политической. В первую очередь ни социалистическая теория, ни соответствующая ей практика не смогли ответить на главный вопрос: как совместить экономическую заинтересованность производственных коллективов в получении прибыли с их экономической ответственностью в условиях государственной собственности. Не был также найден эффективный экономический механизм, позволяющий государству бороться с инфляцией, дефицитом, сокрытием внутренних резервов. Вторая важнейшая причина - на военные нужды в СССР, по экспертным оценкам, тратилось до 20% ВВП, тогда как в США вдвое меньше. Последствия гонки вооружения для экономики Советского Союза и уровня жизни населения страны оказались более тяжелыми и долговременными, чем для США (См.: Рязанов В.Т. Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX -XX вв. СПб., 1998, Стр. 49-54).

Однако далеко не все разделяют вышеприведенную точку зрения. Так, по мнению Е.Т.Гайдара, именно в брежневский период наиболее остро проявились "болезненные долгосрочные последствия реализации избранной социалистической модели индустриализации", а открытие в Западной Сибири огромных месторождений нефти и газа и резкий рост мировых цен на этот источник ресурсов только "отсрочили крах социализма". Сказался также и "консерватизм политической и хозяйственной элиты" страны, мало способной воспринимать нововведения научно-технической революции. По мнению Гайдара, в рассматриваемый период социалистическая советская экономика характеризовалась как "внутренне неустойчивая" и не была способна выйти из этого кризисного состояния. (См.: Экономика переходного периода: Очерки экономической политики посткоммунистической России. 1991-1997. М., 1998, Стр. 46-51).

По мнению философа А.Зиновьева, брежневский период явился "продолжением хрущевского, но без крайностей переходного характера". Не консервативный аппарат помешал Хрущеву осуществить перестройку советского общества, подчеркивал Зиновьев, а, наоборот, аппарат помешал Хрущеву воплотить в жизнь "сталинские амбиции и рецидивы", поэтому и в брежневские годы советскому руководству удалось сохранить главное - итоги десталинизации страны, которые он направил по пути "нормальной (для этого типа общества) эволюции зрелого социального организма". Это реальное коммунистическое общество, согласно Зиновьеву, имело гораздо больше достижений, чем хрущевский и тем более сталинский периоды, и именно благодаря успехам "недостатки стали занимать больше места в сознании людей". Сам же реальный коммунизм достиг "завершенной формы", которая являлась прозаической и заурядной - "царством серости, бездарности, скуки, лжи, насилия и прочих уже общеизвестных явлений". По этой же причине, замечал Зиновьев, культ Брежнева был не культом "личности", а "культом правящей мафии, которую он лишь символизировал". Системный кризис, охвативший в 70-е годы все советское общество являлся, по мнению Зиновьева, "неизбежным следствием внутренних закономерностей коммунизма". В первую очередь он поразил сферу идеологии, поскольку

советские люди поняли, что "то, что они сейчас имеют, и есть настоящий коммунизм". Следовательно, по их мнению, вся идеологическая надстройка нашего общества была лишь "жюльнической маскировкой" неприглядной советской реальности. Этим, по его мнению, советский кризис принципиально отличался от капиталистических кризисов на Западе, которые в первую очередь поражали сферу экономики (См.: Зиновьев А.А. Русская судьба, исповедь отщепенца. М., 2000, Стр. 391-397; 439-443; Зиновьев А., Ортис А.Ф., Кара-Мурза С. Коммунизм. Еврокоммунизм. Советский строй. М., 2000, Стр. 21-22).

Другое крыло отечественной науки, представленное работами М.Я.Геллера, А.М.Некрича, Д.А.Волкогонова, Р.Г.Пихоя и пр., убеждено в изначальной неререформируемости советской системы, ее исторической обреченности.

Для Волкогонова, например, советская история - это во многом "длинная цепь преступлений, начатая государственным переворотом в октябре 1917 г.", где "органические изъяны" тоталитарного режима были одновременно и выражением его силы, и предопределили его гибель в ходе горбачевской реформации. "Попытки реанимировать отжившую систему бесплодны и опасны", полагал Волкогонов (См.: Волкогонов Д. Семь вождей: Галерея лидеров СССР. М., 1995, Кн. 2, Стр. 436-442).

Для Пихоя этапы становления, укрепления, кризиса и распада сверхдержавы, которые прошло за послевоенный период советское государство, являлись закономерным следствием "лавинообразного нарастания экономических, политических и социально-психологических причин кризиса власти". Едва ли не главная причина подобного исторического финала - непрерывно увеличивающаяся пропасть, "отчуждение" властной верхушки от "абсолютного большинства населения страны" (См.: Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945-1991. М., 1998, Стр. 712-718).

Большинство западных историков более уместными для характеристики брежневской эпохи считают термин "распад", поскольку все структурные компоненты советской системы - экономика, администрация, идеология, социалистический лагерь - стали приходить в упадок. Они считают неточной характеристику брежневской эпохи как "застойной", поскольку этот термин означал надежду на возможность вновь привести советскую систему в движение, что и пытался безуспешно осуществить Горбачев. По их мнению, основы советской системы потряс "внутренний кризис", который стал очевиден для всего общества после того как с исторической сцены сошли последние преставители кремлевской геронтократии. Череда похорон генеральных секретарей ЦК КПСС у Кремлевской стены в первой половине 80-х годов стала "последним элементом кризиса, что породил экстремальную форму "коммунистического реформаторства" - горбачевскую "перестройку". По их мнению, почти двадцатилетнее правление Брежнева показало окончательное изживание внутреннего потенциала советской системы, когда "пришло время платить по счету" (См.: Малиа М. Советская трагедия: История социализма в России. 1917-1991. Пер. с англ. М., 2002, Стр. 371-372, 420).

Другие западные ученые расширяют хронологические границы упадка, включая в него не только время правления Брежнева, но и перестройку Горбачева, закончившуюся провалом и распадом Советского Союза. Они полагают, что и современная Россия испытывает последствия того кризиса, который проявился в рассматриваемый период (См.: Боффа Дж. От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964-1994. Пер. с итал. М., 1996, Стр. 5, 285).

В целом, разделяя воззрения авторов, рассматривающих эволюцию и распад СССР, главным образом, как следствие исторически обусловленного внутрисистемного кризиса

советского общества, считаем безосновательными мнения о том, что после свертывания косыгинской реформы мысль о неререформируемости советского социализма утверждается в общественном сознании советского руководства. По нашему мнению, иллюзии в отношении возможности реформирования советской системы были окончательно изжиты только к концу горбачевского правления. До этого времени они составляли важную черту политического мировоззрения многих представителей сталинской правящей элиты, включая Берию, Маленкова, Хрущева, Косыгина. Эти иллюзии, как показывают многочисленные факты, были характерны и для самого Горбачева на начальном этапе перестройки. Об этом же убедительно свидетельствует вся, за редким исключением, общественно-политическая мысль Советского Союза, в том числе, оппозиционная.

Именно частичное сохранение этих иллюзий в отношении потенциальных возможностей советского строя вызвали в обществе стремление к стабильности после бурных сталинских и хрущевских времен. Указанные настроения (хотя и в различной степени) охватывали и "верхи", и "низы". Следовательно, "застой" являлся не только закономерным, но и неизбежным следствием господствовавших в обществе настроений и форм жизни, развитием внутренних свойств и черт, присущих советской системе.

Как свидетельствуют приведенные примеры, подходы к изучению рассматриваемой эпохи и ее оценки не в последнюю очередь зависели от тех теоретических построений, которые исповедовали ученые. Эти различия в верованиях можно объяснить не только политической предвзятостью, свойственной многим историкам, но также методологической неуверенностью, которая охватила российских историков после их отказа от марксистско-ленинского учения как единственно возможной теоретической базы их исследований. У нас нет серьезных причин предполагать, что будущее развитие современной России пойдет по сходному циклическому кругу, уже описанному сторонниками цивилизационных и модернизационных теорий применительно к нашему прошлому.

Существовал ли "бюрократический абсолютизм" в СССР ?

Вынесенный в заголовок вопрос отражает другую важную сторону исторического процесса - историю власти на ее заключительном отрезке времени. Именно через раскрытие феномена власти как главного, основополагающего элемента советской системы, многие историки пытались объяснить процесс эволюции СССР и закономерности его распада. До недавнего времени в отечественной литературе отсутствовали специальные исследования по данной проблеме. В результате такого положения современные российские ученые испытывали огромное воздействие западной политологической мысли, многие достижения которой прочно вошли в научный оборот.

В брежневские времена было завершено многолетнее строительство "бюрократического абсолютизма" советского типа, который, как полагают многие ученые, не имел прецедентов в XX столетии. По этой же причине годы брежневского правления некоторые историки называли "золотым веком" советской номенклатуры. Так, по мнению М.Левина, после смерти Сталина и отмены системы личного деспотизма вождя, который являлся "фактически собственником всей земли и других ресурсов, включая рабочую силу", Хрущев придал динамизм политической системе и советскому обществу. Однако правящая бюрократия свела реформы на нет и заменила культ Сталина "культом государства". В брежневские времена бюрократия превратила партию в своего "правлящего слугу". По мнению Левина, "бюрократический класс" включал в себя не только элиту - верхние слои бюрократии, но и "многочисленные нижние уровни иерархии, социальные слои, включенные в систему, или

даже социальные группы вне ее". Он указывал на огромные масштабы теневой экономики в брежневские времена и стремительно развивающийся процесс сращивания дельцов этой экономики с партийными и государственными чиновниками, отмечал, что оба процесса носили массовый характер (хотя последнее слово всегда оставалось за бюрократической элитой). Для Левина переход власти в СССР к бюрократии означал одновременно и ее освобождение от партийной опеки, включая "нейтрализацию" системы номенклатуры, предназначенную для контроля над бюрократией. Тем самым Левин склонялся к мысли, неоднократно высказываемой в научной литературе: партия "утратила свою политическую роль и стала частью бюрократии". По этой же причине она была обречена на свое историческое поражение (См.: Левин М. Бюрократия и сталинистское государство // Политическая наука современной России: Тенденции развития. М., 2000, Стр. 65-66; Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. М, 1997, Т. 2, 400-444). Иные подходы к изучению проблемы власти в СССР предложены Р.Г.Пихоя. По его мнению, власть в СССР "принадлежала олигархии", к которой он относил представителей "высших звеньев партийного и государственного аппарата", а сущностной характеристикой этого слоя была его "возможность непосредственно участвовать в процессе управления страной". Советская номенклатура представляла собой уникальное явление: включение в нее носило персональный характер - каждого человека принимали отдельно. "Генеральный секретарь замыкал и в конечном счете руководил всей номенклатурой в СССР, так возникла уникальная вертикальная структура слоя, который был объединен феодальной системой личных связей и зависимости", писал он. Если обрывались "цепочки взаимных обязательств", карьера чиновника "заканчивалась". Пихоя также называл КПСС "сословно-представительной организацией", хотя подчеркивал, что в СССР отсутствовало "органическое разделение" классов и сословий по формам собственности, поскольку существовала по сути своей единая государственная форма собственности. Анализируя причины внутренней слабости КПСС, он указывал, что "общепартийные" интересы до времени сковывали особые, присущие местным парторганизациям "профессиональные, сословные, национальные, политические и иные интересы" (См.: Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945-1991. М., 1998, Стр. 9-12, 715-717).

Кем был Брежнев -
политическим "гроссмейстером"
или "посредственностью" ?

По свидетельству историка Д.Волкогонова, своей карьерой будущий генсек обязан Н.С.Хрущеву, который в 1950 г. рекомендовал его первым секретарем ЦК КП(б) Молдавии, а на XIX съезде партии сам Сталин, заинтересовавшись молодым и представительным партийным "молдаванином", рекомендовал Брежнева секретарем ЦК и кандидатом в члены Президиума ЦК. После смерти Сталина он был лишен высоких партийных должностей и назначен заместителем начальника Главполитуправления Советской Армии и Военно-Морского Флота. В 1954 г. Хрущев вновь способствовал карьере своего протеже, которого послал вторым секретарем ЦК компартии Казахстана. В 1955 г. Леонид Ильич стал первым секретарем этой республики, а в 1960 г. выдвигается своим высоким покровителем на должность председателя Президиума Верховного Совета СССР. Однако, по свидетельству Волкогонова, Брежнев "не питал любви к своему предшественнику", а в 1964 г. являлся одной из самых значимых фигур среди советского руководства в деле устранения Хрущева с политической арены (См.: Волкогонов Д. Семь вождей: Галерея лидеров СССР. М., 1995, Кн.

2, Стр. 20-33).

Если оценки Брежнева как политика отличались большим разнообразием, то его человеческие качества - доброта и общительность, благожелательность и радушие, отсутствие мании преследования и комплекса опасности, страсть к охоте, наградам, женщинам и роскошным автомобилям - подчеркивались почти всеми без исключения мемуаристами. Этаким, по определению А.Бовина, "хороший помещик с большим хлебосольным домом" мог получиться из Брежнева в тургеневские времена (См.: Л.И.Брежнев: Материалы к биографии / Сост. Аксютин Ю.В. М., 1991, Стр. 93).

По мнению Г.И.Воронова, бывшего в брежневские годы председателем Совета Министров РСФСР и членом Президиума ЦК КПСС, советские руководители "плелись в хвосте событий", а сам Брежнев хотя и был "человек безграмотный" и "неискренний", но умело осуществлял "единоличное правление". По свидетельству П.Е.Шелеста, бывшего первого секретаря ЦК компартии Украины и члена Политбюро, входившего в ближайшее окружение Брежнева в 1964-1973 гг., "молодые, энергичные, принципиальные" работники ЦК партии - Семичастный, Егорычев, Шелепин - хотя и невысоко оценивали Леонида Ильича, но в борьбе за власть "переоценили свои возможности и недооценили силу Брежнева, его умение вести аппаратные игры, закулисную борьбу". Советский посол в США А.Ф.Добрынин отмечал в Брежнев-политике хорошее знание "коридоров власти", "привычку играть вместе с командой", а не отдельно". Он также сообщал факт, подтверждаемый многими политиками брежневского времени о том, что ряд важнейших направлений деятельности государства генсек передоверял другим членам Политбюро, серьезно не вмешиваясь в их работу. Так, подчеркивал Добрынин, вопросы идеологии были "отданы на откуп Суслову", а в проведении внешней политики Брежнев "фактически полагался до конца своих дней на Громыко" (См.: Л.И.Брежнев: Материалы к биографии / Сост. Аксютин Ю.В. М., 1991, Стр. 184, 229; Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962-1986). М., 1997, Стр. 121-122).

Многие - и политики, и ученые - отмечали, что Брежнев "не был лишен политических способностей" и "очень хорошо" знал советский аппарат, все его механизмы и их функционирование. Ему также были присущи "тонкое психологическое чутье" и "удивительная способность маневрировать людьми". В аппаратной борьбе Брежнев проявлял "ум, хитрость и изобретательность". В качестве одного из свидетельств указывают на тот факт, что многих членов Политбюро - Г.И.Воронова, А.П.Кириленко, К.Т.Мазурова, Н.В.Подгорного, Д.С.Полянского, П.Е.Шелеста, А.Н.Шелепина - участников октябрьского 1964 г. пленума ЦК КПСС, Брежнев вывел из состава высшего партийного органа. В отличие от своих предшественников - Сталина и Хрущева, он устранил конкурентов без каких-либо серьезных конфликтов, репрессий и "даже без публичного поношения". По мнению его соратников, об умении Брежнева разбираться в людях говорил тот факт, что "никто его не предал, как это было до него с Хрущевым и после него с Горбачевым" (См.: Леонид Брежнев в воспоминаниях, размышлениях, суждениях. Ростов н/Д, 1998, Стр. 203, 247; Боффа Дж. От СССР к России.: История неоконченного кризиса. 1964-1994. Пер. с итал. М., 1996, Стр. 15-16).

Л.И.Брежнев полагал, что поскольку при Сталине "люди боялись репрессий", а при Хрущеве "реорганизаций и перестановок", то народ "не был уверен в завтрашнем дне", а поэтому свою задачу на посту руководителя страны он обозначил как "обеспечение спокойной жизни для советских людей".

Многие исследователи отмечали, что первоначальный секрет успеха Брежнева заключался в

том, что ему своей политикой удалось соответствовать стремлению аппарата "к консолидации", а населения "к спокойной жизни". Можно привести тот факт, что на первом послехрущевском съезде партии произошло минимальное обновление правящей верхушки. Однако, по мнению ряда историков, гораздо более важное значение для многолетнего правления Брежнева имело другое обстоятельство, связанное с методами его руководства, отразившими стремление номенклатурного коммунизма к стабильности и самосохранению. Девиз брежневского политического режима, по мнению известного диссидента А.Амальрика, был воплощен в следующих словах: "не троньте нас, и мы вас не тронем". Многие историки утверждали, что высшие партийные структуры, пока их возглавлял Брежнев, "функционировали как коллегиальные органы". Если при Сталине аппаратчики рисковали личной свободой, а нередко и жизнью, а при Хрущеве - своим положением, то во времена Брежнева между центральной властью и периферией имелось неписанное, но от этого еще более эффективное соглашение, гарантирующее стабильность правящего класса на всех уровнях. М.С.Горбачев в своих мемуарах отмечал, что Брежнев извлек "необходимые уроки" из отставки Хрущева, а потому своей главной опорой опять сделал первых секретарей обкомов, крайкомов и ЦК республик. "Это был, - подчеркивал Горбачев, - своего рода "общественный договор" между основными носителями власти". Смысл данного "договора" состоял в том, что руководителям регионов давалась "почти неограниченная власть", но взамен они должны были поддерживать генсека "как лидера и вождя". Именно благодаря этому, считают многие политики, Брежневу удалось оставаться у власти 18 лет, "причем фактически не работая последние шесть лет" (См.: Медведев Р. Личность и эпоха: Политический портрет Л.И.Брежнева. М., 1991, Т. 1, Стр.275; Боффа Дж. Указ. соч., Стр. 16, 287; Горбачев М.С. Жизнь и реформы. М., 1995, Кн.1, Стр. 180-181; Леонид Брежнев в воспоминаниях, размышлениях, суждениях. Ростов н/Д, 1998, Стр. 202-205).

Во второй половине 70-х годов здоровье Брежнева стало меняться в худшую сторону: слабела память, сильно ухудшилась дикция, ослабла способность сосредоточиваться на сложных политических вопросах. Постепенно, по словам академика Е.Чазова, Брежнев превратился в "дряхлого, "склерозированного" старика". Именно в связи с ухудшением состояния здоровья Брежнева, отмечали все наблюдатели, произошли новая расстановка сил в высшем эшелоне власти: в тесном сотрудничестве находились руководители внешней политики, министерства обороны и КГБ - А.А.Громыко, Д.Ф.Устинов и Ю.В.Андропов, тогда как А.Н.Косыгин "олицетворял собой довольно влиятельное совминовское лобби". Важную роль играли также ответственный за идеологию М.А.Суслов и бессменный заведующий общим отделом ЦК КПСС К.У.Черненко. В результате произошла так называемая фрагментация власти генерального секретаря, распад центральной власти на отдельные "вотчины" - оборонную, внешнеполитическую, идеологическую, полицейскую - не связанные единым руководством. Шесть лет, после того как в 1976 г. Брежнев перенес обширный инфаркт, в стране "фактически не было" руководителя, объединяющего и координирующего всю работу государства и партии. Устинова, Громыко и Андропова многие историки называли главными ответственными за усиление консервативных тенденций во внутренней и внешней политике СССР во второй половине 70-х - начале 80-х годов (См.: Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Глазами маршала и дипломата. М., 1992, Стр. 15; Чазов Е.И. Здоровье и власть: Воспоминания "кремлевского врача". М., 1992, Стр. 74-76, 126-127, 130-131, 143; Леонид Брежнев в воспоминаниях, размышлениях, суждениях. Ростов н/Д, 1998, Стр. 246-315).

Чем была "пражская весна" для СССР ?

Большинство историков рассматривали "пражскую весну" как поворотный пункт в политике Брежнева, после чего началась эра консерваторов. Под "пражской весной" принято называть события в Чехословакии 1967 - 1968 гг., когда нараставшее недовольство населения находило выражение прежде всего в кругах интеллигенции, а программы реформ находили сторонников не только в рядовой коммунистической среде, но и среди руководства. Толчком к преобразованиям послужил провал третьей пятилетки, а затем в ходе открытой партийной дискуссии был поставлен вопрос об отказе от централизованных методов правления, о разделении функций партийных и государственных органов. Ряд партийных деятелей выступали за фундаментальные и всеобъемлющие преобразования, включая трансформацию политической системы, другие за частичные изменения в смысле улучшения существующей системы. Новый руководитель чехословацкой компартии А.Дубчек на первых порах пользовался доверием и поддержкой Л.И.Брежнева и заслужил от последнего аттестацию "очень честного человека" (См. Советская внешняя политика в годы "холодной войны" (1945-1985). Новое прочтение. М., 1995, Стр. 303-306).

Большинство современных исследователей отмечали, что чехословацкие руководители не придавали своим реформам антисоветский характер, однако дубчековскому руководству не удалось удержать контроль за ходом преобразований и у советского руководства создалось впечатление, что страна сползает к повторению венгерского опыта 1956 г. Характеризуя реакцию ЦК КПСС на чехословацкие события, ученые отмечали, что в нашем партийном руководстве имелись как сторонники жестких мер по отношению к проявлениям "ревизионизма" в сопредельной стране, так и те, кто пытался избежать прямого военного вмешательства во внутренние дела ЧССР. Первоначально использовались различные методы давления на отбившегося от рук союзника - от непрекращающихся штабных учений и маневров на чехословацкой территории до вмешательства советской стороны в работу высших партийных органов Чехословакии.

В июне 1968 г. группа чехословацких интеллектуалов выпустила прокламацию "2000 слов", в которой призывала народ взять дело либерализации в собственные руки, отстранив от него партию. По мнению авторов прокламации, ошибочная линия руководства превратила партию из политического и идейного союза в государственную организацию для всех жаждущих власти эгоистов. Партия слилась с государством, разучилась воспринимать критику, а потому "духовное здоровье и характер народа были поставлены под угрозу". (См.: Геллер М., Некрич А. Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 г. до наших дней. М., 1995, Кн. 3, Стр. 198-207; Хранить вечно. Август 68-го. Специальное приложение к "Независимой газете", N 3, август 1998 г.).

После публикации "2000 слов" руководство ЧССР отказалось от встречи с руководителями пяти стран-участниц Варшавского Договора. В ответ Москва отложила вывод своих войск, участвовавших в учениях на чехословацкой территории, а 22 июля СССР заявил, что части Советской армии расположатся вдоль границы ЧССР и ФРГ. Руководители пяти социалистических стран во главе с СССР потребовали от ЦК КПЧ встречи, а также осуждения реформ, проводимых в этой стране.

На братиславской встрече руководителей ЧССР и пяти стран Варшавского договора (2-3 августа 1968 г.) впервые прозвучал тезис об ограниченном суверенитете стран социалистического лагеря, вошедший в историю под названием "доктрина Брежнева". Смысл ее сводился к тому, что "когда внутренние и внешние силы, враждебные социализму, пытаются повернуть развитие какой-либо социалистической страны в направлении реставрации капиталистических порядков, когда возникает угроза делу социализма в этой

стране, угроза безопасности социалистического содружества в целом, - это уже становится не только проблемой народа данной страны, но и общей проблемой, заботой всех социалистических стран". Поэтому для устранения этой угрозы и в общих интересах лагеря социализма возможна любая помощь, включая военную (См.: Хрестоматия по отечественной истории. 1946-1995. М., 1996, Стр. 206).

Положение о защите завоеваний социализма как общем, интренациональном долге всех социалистических стран по-разному было воспринято среди участников братиславской встречи. Дубчек полагал, что реформаторский курс КПЧ "гармонично сочетается" с коммунистическими принципами, а потому пытался продолжить этот курс, избегая полемических столкновений с союзниками. Напротив, лидер немецких коммунистов В.Ульбрихт воспринял братиславскую встречу как призыв ко всем правящим партиям социалистических стран выполнять свои обязательства, вытекающие из членства в советском блоке. Ярым сторонником военно-политического вмешательства в чехословацкие события был лидер венгерских коммунистов Я.Кадар. Программу "2000 слов" он назвал "контрреволюционной" и выразил убежденность в том, что если потребуются оккупировать Чехословакию, то "мы пойдем на это без сомнения".

Вопреки точке зрения многих западных авторов, ссылающихся на неопределенность и расхождения внутри советского руководства по чехословацкому вопросу, большинство советских историков полагали, что Политбюро ЦК КПСС было едино, считая необходимым ввод войск, но существовали расхождения по частным вопросам. Эти расхождения, как свидетельствуют ныне рассекреченные архивные документы, во многом зависели не только от государственного опыта, но и от разной степени информированности каждого из советских руководителей о политической ситуации в Чехословакии, которая непрерывно осложнялась. Сказывались и расхождения между членами Политбюро, связанные с непрекращающейся внутрипартийной борьбой. Сторонником наиболее радикальных мер борьбы с "пражской весной" являлся Ю.В.Андропов. Представителем другого крыла был поначалу А.Н.Косыгин. Последующее развитие событий в Чехословакии поставило под сомнение все прежние рассуждения о "здоровом ядре" в ЦК КПЧ и надежды советских руководителей навести в ЧССР порядок с помощью этого здорового ядра, не прибегая к военной силе. На первой стадии "пражской весны" Брежнев был сторонником политического давления на ЦК КПЧ, он с большой настороженностью относился к применению крайних мер. В этом его поддерживал и Косыгин. Однако эту позицию не разделяли Андропов, Устинов, Мазуров, Капитонов. По мнению Громыко, международная обстановка в момент чехословацких событий была такова, что крайние меры не могли вызвать обострения или большой войны. Вскоре политическому руководству Советского Союза стало ясно, что реализация крайних мер не приведет к активному противодействию со стороны США. По мнению многих историков, это стало дополнительным аргументом в пользу применения военной силы в Чехословакии (См.: Советская внешняя политика в годы "холодной войны". (1945-1985). Новое прочтение. М., 1995, Стр. 321; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945-1991. М., 1998, Стр. 318-319, 326, 341-343).

20 августа примерно в 23.00 войска Варшавского Договора (СССР, НРБ, ГДР, ПНР, ВНР) под командованием генерала армии И.Г.Павловского, перейдя границы Чехословакии, начали осуществлять операцию "Дунай". После полуночи 21 августа советский десант овладел пражским аэродромом и приступил к занятию столицы Чехословакии. Имелись отдельные вооруженные столкновения в Праге и некоторых других районах ЧССР, повсеместные демонстрации против вторжения иностранных войск. 23 августа газета "Руде Право"

опубликовала обращение делегатов XIV чрезвычайного съезда КПЧ к компартиям всего мира, в котором говорилось что войска пяти стран "без каких-либо поводов и без согласия законных правительственных и партийных органов, против воли нашего народа насильственно захватили нашу территорию, вызвали в стране беспорядок, сделали и делают невозможным продолжение начатого пути".

26 августа вывезенные в Москву чехословацкие руководители подписали соглашение, предусматривающее устранение последствий либерализации. Во время визита А.Н.Косыгина в Прагу в октябре 1968 г. было подписано соглашение, которым предусматривалось размещение 65-100 тыс военнослужащих Советской Армии. Бурные антисоветские демонстрации в Чехии были разогнаны милицией, а 17 апреля 1969 г. А.Дубчек ушел в отставку.

Важнейший вопрос всех реформ, когда-либо осуществляемых в социалистических странах , - определить допустимые границы преобразований, переступив которые реформаторы рисковали вместо "улучшения системы" подорвать "основы социализма". Отмена цензуры в Чехословакии, сопровождавшаяся изданием знаменитых "2000 слов", по мнению многих историков, в действительности означала переход этих самых границ.

Хотя большинство историков сходятся во мнении, что подавление "пражской весны" имело для СССР больше минусов, чем плюсов, они по-разному оценивают реальные последствия этого внешнеполитического шага.

Для одних разгром реформ в Чехословакии стал началом конца реформ в СССР, советское общественное мнение уже не питало иллюзий в отношении коммунистической идеи, а сам советский режим стал "циничнее, проще, понятнее". Другие историки полагали, что хотя военный успех был достигнут легко, но с политической точки зрения вторжение оказалось катастрофой, поскольку только присутствие советских войск гарантировало Москве контроль над ситуацией, но сама Чехословакия "в один миг стала единой во враждебном отношении к СССР". Никакая нормализация между двумя странами, несмотря на все последующие усилия, оказалась невозможна.

Историки отмечали также тот факт, что акт неприкрытой агрессии против суверенного государства вызвал осуждение во многих странах мира, включая международное коммунистическое движение. В результате СССР и его союзники оказались в состоянии временной изоляции. По их мнению, издержки интервенции - повсеместное падение авторитета СССР и укрепление фронта его противников - были несопоставимы с достижением - приведением к общему знаменателю и без того лояльного стратегически важного партнера.

Отдельные западные историки подавление чехословацких реформ хирургическим путем объясняли внутренними свойствами советской системы - стоило одной плененной нации продемонстрировать реальную возможность побега - как другие, набравшись смелости, тут же последуют за ней.

Брежнев считал чехословацких "уклонистов" наиболее опасными с идеологической точки зрения. По мнению большинства историков, конец "пражской весны" одновременно означал и конец хрущевской десталинизации, однако это не надолго задержало процесс разложения коммунизма, который после 1968 г. вступил в новую стадию (См.: Боффа Дж. От СССР к России: История неоконченного кризиса. 1964-1994. М., 1996, Стр. 51; Советская внешняя политика в годы "холодной войны" (1945-1985). Новое прочтение. М., 1995, Стр. 327-330; Малиа М. Советская трагедия: История социализма в России. 1917-1991. Пер. с англ. М., 2002, Стр. 413-414).

"Пражская весна" оказала непосредственное влияние на рост оппозиционных настроений в СССР: 25 августа 1968 г. студентка Т.Баева, филологи Л.Богораз и К.Бабицкий, поэт В.Делоне, рабочий В.Дремлюга, физик П.Литвинов, поэт Н.Горбаневская и искусствовед В.Файнберг вышли на Красную площадь с плакатами "Позор оккупантам!", "Руки прочь от ЧССР!", "За вашу и нашу свободу". Демонстранты были арестованы и осуждены. 95 деятелей советской культуры обратились в Верховный Совет СССР с письмом протеста (См.: Геллер М., Некрич А. Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 г. до наших дней. М., 1995, Кн. 3, Стр. 204-205).

В 1989 г. руководители Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и Советского Союза заявили, что предпринятый в 1968 г. ввод войск их государств в ЧССР "явился вмешательством во внутренние дела суверенной Чехословакии и должен быть осужден". В заявлении Советского правительства это вмешательство во внутренние дела дружественной страны объяснялось главным образом острой конфронтацией Востока и Запада (См.: Хрестоматия по отечественной истории (1946-1995). М., 1996, Стр. 228-229).

Тем самым формально осудив вторжение войск союзников в суверенную социалистическую страну, горбачевское руководство нашло оправдание этому шагу советской политики в виде объективной причины - "холодной войны". По сути был повторен брежневский дезинформационный маневр, использующий в качестве основного аргумента в пользу необходимости вторжения угрозу Чехословакии, а следовательно всему социалистическому лагерю, со стороны ФРГ.

Что такое диссидентство ?

В словаре иностранных слов под понятием "диссидент" понимается инакомыслящий человек, "не согласный с господствующей идеологией" Отдельные историки под диссидентами понимали действующую в конце 1960-х - 1970-е годы "небольшую группу" интеллигенции (в основном столичной), занятую "полулегальной правозащитной деятельностью и "самиздатом". По их мнению, диссидентское движение являлось лишь частью, и далеко не главной, "народного сопротивления власти", которому больше подошло бы архаичное русское слово "крамола" - возмущение, мятеж, смута, измена, лукавые замыслы (См.: Козлов В.А. Крамола: инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953-1982 годы //Отечественная история, 2003, N ;, Стр. 93-111).

Действительно научное изучение "народного сопротивления власти" началось в России после распада СССР. До этого времени отсутствовало систематическое изучение проблемы, главным образом по причине того, что большинство источников носило закрытый характер. Лишь после принятия указа Президента Российской Федерации от 23 июня 1992 г. "О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека", развернулась широкая и целенаправленная работа по публикации рассекреченных документов. Одним из центров изучения инакомыслия в СССР стало общество "Мемориал", активно разрабатывающее историю политических репрессий. В центре внимания исследователей оказались известные правозащитники и инакомыслящие А.Сахаров, А.Солженицын, П.Григоренко, А.Синявский, А.Марченко, Н.Горбаневская и другие, кампании идеологических "проработок" ("дела" А.Некрича и И.Бродского, травля редакции журнала "Новый мир" и пр.), случаи открытого протеста против властей (демонстрация на Пушкинской площади в Москве 5 декабря 1965 г.), национальные движения

Как отмечали историки, в России еще со времен Радищева запрещенные к публикации произведения ходили по рукам в списках, но только в советское время это явление

приобрело массовый характер и стало уникальным как "основное средство самопознания и самовыражения общества". Это явление вошло в историю под названием "самиздат" (произведения распечатывались наиболее доступным для того времени способом - на машинке и распространялись среди знакомых). В конце 50-х - начале 60-х печатались главным образом стихи (Ахматовой, Мандельштама, Волошина, Гумилева, Цветаевой, Бродского, Коржавина и других), а также книги зарубежных авторов Кестлера, Хемингуэя, Орвелла, Джиласа. Перепечатывались и произведения, изданные в нашей стране, но малодоступные из-за давности издания или маленького тиража.. Самиздат быстро политизировался. Р.Медведев с 1964 по 1970 гг. ежемесячно издавал материалы, позже вышедшие на Западе под названием "Политический дневник", поставщиками материала для этого "дневника" были друзья автора, среди них ответственные партийные работники, писатели и ученые.

В 1971 г. председатель КГБ СССР Ю.Андропов информировал ЦК КПСС, что "самиздат" претерпел за последние годы качественные изменения". Автор записки отмечал, что вместо ранее распространявшихся среди населения "идейно порочных художественных произведений" стали "ходить по рукам", главным образом, документы "программно-политического характера", в которых с разных сторон "критикуется исторический опыт социалистического строительства в Советском Союзе, ревизуется внешняя и внутренняя политика КПСС, выдвигаются различного рода программы оппозиционной деятельности". В качестве ответной меры Андропов предлагал идеологическому аппарату партии выработать "идеологические и политические меры по нейтрализации и разоблачению представленных в "самиздате" антиобщественных течений". Не дремал и КГБ, привлекавший "нарушителей" к уголовной ответственности (См.: Источник, 1994, N 2, Стр. 77-78).

Самый сильный резонанс за всю историю самиздата вызвала книга А.Солженицына "Архипелаг ГУЛАГ", изданная в декабре 1973 г. в Париже. Главы этой книги передавались зарубежными радиостанциями, работающими на Советский Союз. На заседании Политбюро ЦК КПСС, специально заслушавшим вопрос о Солженицыне в январе 1974 г., Брежнев охарактеризовал это литературное произведение как "грубый антисоветский пасквиль", в котором автор посягнул "на самое святое - на Ленина, на наш советский строй, на Советскую власть, на все, что дорого нам". Выступавшие вслед за генеральным секретарем члены Политбюро отмечали, что "Солженицын пытается хозяйничать в умах нашего народа", что он "враг, наглый, ярый и что он ведет за собой отщепенцев". В результате Солженицын был лишен советского гражданства и выдворен за пределы СССР (См.: Источник, 1993, N 3, Стр. 87 - 101).

Разнородное по своему социальному составу, целям и идейным воззрениям, диссидентское движение в России большинство историков связывали с послевоенным периодом, относя его зарождение к хрущевской эпохе, а расцвет к периоду брежневского правления. Западные исследователи полагали, что во времена Хрущева диссидентское движение имело форму спорадического "антисталинского взрыва, сочетавшего в себе негодование и надежду" и лишь в брежневские годы оно превратилось в "устойчивое движение". Главными причинами, сделавшими возможным качественный переход, явились следующие. Во-первых, падение Хрущева означало конец открытым дискуссиям о сталинской эпохе и породило "контрнаступление со стороны ортодоксов", т.е. диссидентство явилось "в первую очередь движением самозащиты" против возможной ресталинизации советского общества. Во-вторых, менялась сама советская система, которая становилась "либеральнее" или "мутировала от тоталитаризма к обычному авторитаризму". Поэтому произошел отказ от

террора прежних лет, репрессии против инакомыслящих стали осуществляться "методами более мягкими и опосредованными". Поскольку социализм был уже построен и перешел в фазу "развитого социализма", надобность в прежнем терроре отпала, важнейшей задачей системы стала охрана завоеванного, т.е. в практику вошел "мягкий" сталинизм. Для западных историков "наиболее громогласным" диссидентом в СССР оставался Солженицын. В этом же ряду и фигура Сахарова. Анализируя взгляды Сахарова, Солженицына и Медведева, западные историки полагают, что "все эти диссиденты оставались лояльны идее "коммунистического реформаторства", что, по мнению этих ученых, было ярким свидетельством непонимания насколько глубок был кризис системы. К концу брежневского правления, считали западные исследователи, зародилось "теневое" диссидентство - закулисная критика советского режима представителями столичной интеллигенции, которая смогла использовать свой "реальный шанс" только во времена Горбачева (См.: Малиа М. Советская трагедия: История социализма в России. 1917-1991. Пер. с англ. М., 2002, Стр. 375-376, 403-406).

Л.Алексеева среди основных направлений инакомыслия в Советском Союзе выделяла национальные движения (украинское, литовское, грузинское, армянское и пр.), религиозные движения (евангельских христиан-баптистов, пятидесятников), гражданские движения, включая главное - движение за права человека. В качестве самостоятельного феномена ее выделено русское национальное движение (См.: Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. М., 1992, Стр. 6-7, 256.).

Некоторые историки рассматривают диссидентство как "идеологическую оппозицию" или "инакомыслие по отношению к сталинизированной идеологии" государства. В соответствии с этим ими выделены национальные, религиозные и правозащитные движения (См.: Россия в XX веке: Историки мира спорят. М. 1994, 615-621).

Западный историк Боффа выделял три основных направления в диссидентском движении: ленинско-коммунистическое с Р.Медведевым во главе, либерально-демократическое с А.Сахаровым и религиозно-националистическое с А.Солженицыным. В отличие от многих зарубежных исследователей, он не считал, что между официальной советской культурой и диссидентством как своеобразным оппозиционным течением в СССР существовала "пропасть", поскольку "аргументы диссидентов пробивали многочисленные бреши в самих цитаделях власти и ее аппарата". Он также выступал против другого распространенного утверждения, приписывающего большинству диссидентов лояльность идее "коммунистического реформаторства". "На первых порах диссиденты лелеяли надежду на исправление и улучшение существующей системы, продолжая считать ее социалистической. Но в конечном счете они стали видеть в этой системе лишь признаки умирания и ратовать за полный отказ от нее", писал Боффа. Он также полагал, что "благодатную почву" для национализма создал "кризис официальной идеологии" и каковы бы ни были его оттенки, общими для них были следующие тезисы: советская система не продукт русской истории, а результат насильственного навязывания со стороны, следует укреплять веру в "потенциальное превосходство русской нации", в ее "социальное, моральное и религиозное возрождение", в ее "миссию". Боффа полагал, что несмотря на все разнообразие культурной жизни страны, включая "подпольные глубины советского общества", в СССР не наблюдался прогресс политической мысли и не вырисовывалась "настоящая программа возможных реформ". Основную причину подобного положения западный историк видит в политике брежневского руководства, которое было озабочено не стимулированием новых идей и поиском новых решений, а их сдерживанием (См.: Боффа Дж. От СССР к России. История

неоконченного кризиса. 1964-1994. Пер. с англ. М., 1996, Стр. 86-103).

В широких рамках, охватывающих как политическую оппозицию советскому режиму, так и различные формы недовольства - "бурления в обществе", рассматривали диссидентство историки Геллер и Некрич (См.: Геллер М., Некрич А. Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 года до наших дней. Кн. 3. М., 1995, Стр. 152-168, 188-198).

А.С.Барсенков и А.И.Вдовин называли диссидентское движение "разномастным" в идейном отношении и указывали на его "идейное родство" с известными в России с XIX века славянофилами, западниками и социалистами. Представителями "социал-демократического" направления они называли братьев Р. и Ж.Медведевых, "национально-либерального", почвенического - А.Солженицына и И.Шафаревича, "либерального западничества" - А.Синявского и Ю.Даниэля. Как и другие исследователи, они подчеркивали что в 70-е годы правозащитное движение становится "одним из главных составляющих" диссидентского движения в СССР. По их мнению, многие влиятельные в прошлом диссиденты, представляющие различные течения этого движения, - А.Зиновьев, А.Синявский, отчасти А.Солженицын - увидев "плоды диссидентства" после распада СССР, "кардинально переоценили" и свое участие в этом движении, и его историческую роль в целом (См.: Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1938-2002. Учеб. пособие. М., 2003, Стр. 276-295).

Хотя для подобного вывода имеются некоторые основания, нам представляется, что Барсенков и Вдовин несколько упрощают процесс переосмысления диссидентского движения в умах его вчерашних лидеров. Попытаемся показать это на конкретных примерах. В своей последней книге А.Синявский для обобщенной характеристики внутренней природы советского общества употребил термин "советская цивилизация", которая, по его многолетнему убеждению, "хорошо приспособлена к тому, чтобы подавлять человеческую свободу, а не чтобы ее открывать, питать и стимулировать". Советскую цивилизацию Синявский сравнивал с гигантской египетской пирамидой, которая состояла из тщательно подогнанных и притертых колоссальных камней. Среди этих "камней" и революция, породившая небывалую по силе давления на общество власть, и "незыблемый авторитет" Ленина, из которого вырос Сталин, и советский быт или "жизнь для себя", вопреки требованиям властей жить "для государства", и новый советский человек, демонстрирующий "одновременно героические качества, рабскую покорность и тупое самодовольство", и перестройка, когда советская цивилизация в первый раз проходила "проверку свободой". Следовательно, вопреки утверждениям Барсенкова и Вдовина, Синявский не отказывался от своей прошлой критики советской системы, воспитывающей, по его мнению, из людей рабов государства. Однако как человек, хорошо знающий предмет своего исследования с изнанки жизни, Синявский не идеализирует и диссидентское движение, активно противостоящее диктату советского государства. По его мнению, в советском обществе "предельно централизованном и нормативном", личная инициатива и самостоятельность мышления сохранились "только у преступников перед властью - у политических, то есть диссидентов, и чисто уголовных". Вот парадокс, который счел нужным отметить Синявский, - для современной России "криминальное мышление и криминальные программы оказались крепче диссидентских". Одна из главных причин подобного положения, по его мнению, та, что часть интеллигенции "вошла во власть и стала сотрудничать с ней, оказалась способна заботиться только о своих интересах". Произошло забвение народных интересов, а "придворная часть" интеллигенции, сотрудничающая с властью, стала использоваться последней как "своего рода благородное, демократоподобное облако", скрывающее

криминализацию России. Таким образом, согласно Синявскому, интеллигенция на современном этапе во многом утратила свою историческую роль барометра общественных настроений, защитницы всех "униженных и оскорбленных". Что же касается "низовой интеллигенции" (учителей, библиотекарей, врачей), то она по-прежнему остается "почти безгласной, бессловесной" (См.: Синявский А. Основы советской цивилизации. М., 2001, Стр. 383-385, 442-443, 452).

Чрезвычайным своеобразием отличается и оценка диссидентского движения А.Зиновьевым, на которого ссылаются в своей книге Барсенков и Вдовин. Во-первых, известный философ, по его собственному признанию, "сам никогда диссидентом не был", а его зачисление в ряды этого движения связано, по его мнению, с понятийной неопределенностью, сложностью и малоизученностью самого явления диссидентства. Для Запада, указывал Зиновьев, диссиденты все, "кто по каким-то причинам вступает в конфликт с советским общественным строем, его идеологией и системой власти, подвергаясь за это каким-то наказаниям". Поэтому в "одной куче" оказались националисты и религиозные сектанты, желающие эмигрировать и террористы, политические бунтари и писатели, деятели культуры, "жаждущие мирового простора". В СССР, по мнению философа, диссидентами называли "лишь определенную часть оппозиционеров", лозунгами которых стала борьба "за гражданские свободы и права человека" и которые "делали публичные заявления, устраивали демонстрации, создавали группы". Он также утверждал, что диссидентское движение стало возможным "в значительной степени благодаря вниманию и поддержке со стороны Запада", что советская интеллигенция за счет своих "родовых признаков" - лучшей образованности, скрытности натуры, гибкости, изворотливости и умения "думать только о себе" - являлась в действительности не "жертвой режима", а его "оплотом". Либеральная интеллигентская "фронта" еще во времена Хрущева "исчерпала свой "либерализм" и затем в брежневские времена эволюционировала в сторону "консерватизма", дабы "урвать свои куски от благ общества". По его мнению, диссидентское движение пришло в упадок не только из-за репрессий со стороны властей, но также по причине "непомерного тщеславия и самомнения" со стороны многих видных диссидентов, по причине игнорирования ими исторического опыта в объяснении явлений общественной жизни Советского Союза, сосредоточения своего внимания исключительно на критике и разоблачении "язв" советского общества. Большое число эмигрантов среди диссидентов Зиновьев объясняет отсутствием в их среде "глубоких психологических оснований для бунта против режима" (См.: Зиновьев А.А. Русская судьба, исповедь отщепенца. М., 2000, Стр. 400-403, 420-423).

Таким образом речь идет не о кардинальной переоценке диссидентского движения отдельными идеологами инакомыслия, а, скорее, об уточнении ими собственной позиции в отношении роли и места не только советской, но и современной интеллигенции в жизни российского общества.

Русский национализм: благо или зло для страны ?

По мнению Л.Алексеевой, русское национальное движение "ответвилось" от правозащитного, поскольку сторонники первого - "это прежние правозащитники, разочаровавшиеся в демократических и правовых идеалах". Алексеева полагала, что возрождение русской национальной идеи "произошло спонтанно в годы войны с фашистской Германией" и советское правительство использовало это в своих политических целях, "то поощряя" русский национализм, то одергивая "слишком увлекшихся". В качестве первых

идеологов этого направления она называла Шиманова, деятелей Всероссийского социал-христианского союза освобождения народов (ВСХСОН) - Огурцова, Вагина, Бородина, а также Осипова и его журнал "Вече", А.Солженицына и И.Шафаревича (См.: Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Новейший период М., 1992, Стр. 325-357).

Суммируя свои наблюдения по русскому национализму, бывший советский историк и эмигрант А.Янов писал: "Идея об избранности русского народа, идея о том, что "загнивающий" Запад может спасти от гибели только Россия, жива до сих пор". В число сторонников русской идеи Янов зачислял и диссидента Солженицына, и писателя В.Белова, и отдельных представителей советской партийной элиты. Для него сущность всей истории России заключена "в борьбе реформы против контрреформы, России против России", поскольку в России нет "среднего класса", способного вывести ее на демократический путь развития". В более поздней работе основной критический заряд Янова направлен против "русского национализма", по его мнению, главной причины национальной катастрофы России, которую она неоднократно переживала на протяжении XVII-XX веков. Опираясь на отдельные выводы русских религиозных философов В.С.Соловьева и Г.П.Федотова, вслед за ними Янов утверждал, что в России "национальное самосознание, т.е. естественный, как дыхание, патриотизм, может оказаться смертельно опасным". Неосмотрительное обращение с национальным самосознанием развязывает "цепную реакцию", в ходе которой культурная элита страны соскальзывает к "национальному самоуничтожению", за которым неминуема и "гибель цивилизации". Предчувствия обоих философов о том, что Россия больна "нравственно" и "единственно существенный вопрос" патриотизма - вопрос "не о силе и призвании, а о грехах России", по мнению Янова, не был услышан соотечественниками. Эта же нерешенная проблема, полагал Янов, встала во весь рост и перед современной Россией, но поскольку главенствующей в объяснении происхождения русской катастрофы является славянофильская традиция, которая вслед за Достоевским и Солженицыным сводит спор к "хронологии или этническим корням "бесовства", то эта "мощная славянофильская нота о "силе и призвании России" заглушит для новых поколений тему ее "грехов" (См.: Янов А.Л. Русская идея и 2000-й год. Нью-Йорк, 1988; Янов А. Россия против России: Очерки истории русского национализма. 1825-1921. Новосибирск, 1999).

Против подобной оценки русской истории и ее будущего активно выступал известный диссидент, математик И.Р.Шафаревич. Его работа на данную тему под названием "Русофобия" получила противоречивые оценки в печати. Так, некоторые члены Французской академии наук отмечали, что его книга "начинаясь как социологическое исследование, заканчивается выражением неприкрытого антисемитизма" В российской демократической печати Шафаревич был назван "главным идеологом отечественных воинствующих националистов-антисемитов". Обсуждение данной проблемы и яростные споры по ней продолжаются и в наши дни (См.: Шафаревич И. Русофобия // Шафаревич И. Есть ли у России будущее ? М., 1991, Стр. 389-486; Московские новости, N 9, 28 февраля 1993 г., Стр. 6 а).

Дж.Боффа полагал, что "благодатную почву" для национализма создал "кризис официальной идеологии" и каковы бы ни были его оттенки, общими для них были следующие тезисы: советская система не продукт русской истории, а результат насильственного навязывания со стороны, следует укреплять веру в "потенциальное превосходство русской нации", в ее "социальное, моральное и религиозное возрождение", в ее "миссию". "Пророком" русского неонационализма, по его мнению, был Солженицын, который и "слышать не хотел ни о какой "конвергенции". К "новым правым" Боффа относил журнал "Молодая гвардия", писателей-

"деревенщиков" Распутина, Белова, Залыгина, Абрамова, Можая, Шукшина, Тендрякова, Астафьева, Проскурина, Бондарева, Солоухина, а также режиссеров А.Тарковского и Н.Михалкова (См.: Боффа Дж. От СССР к России: История неоконченного кризиса. 1964-1994. М., 1996, Стр. 94-104).

В отличие от Янова, принципиально иную точку зрения на проблему русского национализма высказали Барсенков и Вдовин, которые полагали, что "объективно оппозицию брежневскому руководству в культурной области представляли общерусские организации и движения, выражавшие национальные интересы России". К таковым авторы, в первую очередь, отнесли основанное в 1966 г. Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), деятельность писателей-"деревенщиков" (Ф.А.Абрамова, В.И.Белова, Б.А.Можая, В.Г.Распутина, В.Ф.Тендрякова), журналы "Наш современник", "Москва", "Молодая гвардия". По мнению этих авторов, русофобия брежневского режима ярко проявилась в следующих словах руководителя КГБ Ю.В.Андропова: "Главная забота для нас - русский национализм; диссиденты потом - их мы возьмем за одну ночь". Барсенков и Вдовин сожалеют о том, что национально-патриотические течения "так и не набрали силу, не смогли существенно повлиять на власть и развитие общества" в советской России 60-80-х годов. (См.: Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1938-2002. Учеб. пособие. М., 2003, Стр. 295).

Другой исследователь диссидентства В.А.Козлов полагал, что активизация идеологов подпольного и полуподпольного русского национализма в 70-е годы была связана с тем, что в отличие от либеральных диссидентов, "русисты" могли "апеллировать к чувствительным струнам национальной души, спекулировать на националистических предрассудках недовольного народа". Основываясь на докладных записках КГБ и ЦК КПСС, он пришел к выводу, что в конце брежневского правления на арену борьбы с режимом стали выходить новые силы, сосредотачивавшиеся на "внедиссидентской крамоле (подпольные организации, террористические акты или их подготовка, возрождение националистического движения на окраинах и развитие русского национализма в России)". Именно национализм Козлов считал угрозой "куда более серьезной" для советского режима, чем либеральная правозащитная критика КПСС "со стороны сердитых московских интеллигентов" (См.: Отечественная история, 2003, N 4, Стр. 106-108).

Ряд западных ученых утверждали, что национализм, включая русский национализм, стал "самым острым выражением конфликтов между обществом и государством", непосредственным "политическим фактором", который в конце концов привел к распаду Советского Союза (См.: Кастельс М. Информационная эпоха : экономика, общество, культура. Пер. с англ. М., 2000, Стр. 438).

Кто прав - "западники"
или "славянофилы" ?

В 1968 г. в СССР стала широко распространяться работа академика А.Сахарова "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе", в которой был сформулирован важный тезис "о сближении (конвергенции) мировых социалистической и капиталистической систем", сопровождающемся "демократизацией, демилитаризацией, социальным и научно-техническим прогрессом, как единственной альтернативе гибели человечества". В 1971 г. Сахаров написал памятную записку, которая представляла по форме некий конспект воображаемого диалога с руководством страны и направил ее на имя Л.И.Брежнева. В ней в качестве неотложных вопросов он предлагал

провести общую амнистию политических заключенных, ввести гласность, свободу информационного обмена и убеждений, восстановить права выселенных при Сталине народов и ряд других мер. В 1973 г. Сахаров дал интервью шведскому корреспонденту, в котором высказался по вопросам общей оценки природы советского строя, возможностей его изменения, возможного влияния на это диссидентов, отношения к ним властей, положения с правами человека. "Оценивая наш социализм, - говорил Сахаров журналисту, - я не вижу в нем какого-нибудь теоретического новшества для лучшей организации общества. Мне кажется, что в многообразии жизни может быть найдено и что-то положительное, но в целом путь нашего государства содержал больше разрушительных, чем созидательных, общечеловеческих моментов". В те годы академик полагал, что в СССР сделать "почти ничего нельзя" из-за "очень стабильного" внутреннего положения страны. История рассудила по-иному - многие идеи и предложения Сахарова вошли в программу перестройки (См.: Сахаров А. Мир, прогресс, права человека. Статьи и выступления. Л., 1990, Стр. 8-9, 22-31; Сахаров А. Pro et contra. 1973 год. Документы, факты, события. М., 1991, Стр. 57-64, 121). Историки отмечали, что если до этого инакомыслящие были "едины в осуждении пороков советской системы", то в 70-е годы они стали расходиться в оценках природы этой системы и "в способах исцеления страны". По мнению Алексеевой, академик Сахаров стал первым "западником" в самиздате. Известная литературная традиция противопоставляла ему Солженицына как представителя другого направления общественной мысли - "неославянофильского" или "почвеннического". Его программным документом стало "Письмо вождям Советского Союза", отправленное адресатам в 1973 г. В нем Солженицын утверждал, что Россия "вполне может поискать и свой особый путь в человечестве", а не "тащиться западным буржуазно-промышленным и марксистским путем". Он декларировал: "Тысячу лет жила Россия с авторитарным строем, и к началу XX века еще весьма сохраняла и физическое и духовное здоровье народа. Русская интеллигенция, больше столетия все силы клавшая на борьбу с авторитарным строем, - чего же добилась огромными потерями и для себя и для простого народа? Обратного конечного результата. Может быть... России все равно сужден авторитарный строй? Может быть, только к нему она сегодня созрела?... Пусть авторитарный строй - но основанный не на "классовой ненависти" неисчерпаемой, а на человеколюбии" (См.: Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Новейший период. М., 1992, Стр. 240-243; Солженицын А. Публицистика, Париж, 1981, Стр. 134-167).

О месте диссидентства в оппозиционном движении в СССР

Если до недавнего времени основное внимание уделялось диссидентскому движению в СССР, то в последние годы ученых стали привлекать сюжеты, связанные с различными формами массового недовольства правительственными действиями, в первую очередь "насилованными столкновениями между населением и властью на почве социальных, политических или этнических противоречий". По мнению одного из исследователей этого направления, основанному на анализе десятков тысяч судебных дел за 1953-1985 гг., диссидентство было далеко не "высшей фазой" в развитии оппозиционности советскому режиму. Более того, вспышки репрессий против инакомыслящих, характерные для режима в хрущевскую эпоху, заменялись в брежневские годы так называемой политикой профилактирования - показательные политические процессы над оппозиционными писателями и известными правозащитниками, сопровождаемые подготовленными кампаниями в прессе, позволяли власти "дискредитировать интеллигентскую оппозицию в

глазах простых людей и напугать интеллектуалов". Угрозы в виде возможного уголовного наказания и запугивание людей, "вставших на путь антисоветской деятельности", при возможности избежать этого наказания в случае отказа от "крамола" - составляли ядро этой политики. В конкретных случаях применялись исключение из рядов партии или комсомола, увольнение с работы. Использовались и другие методы борьбы - активизировалась работа тайного политического сыска в стране, в 1966 г. в Уголовный кодекс РСФСР были внесены статьи 190-1, 190-2 и 190-3. Практически это означало, что за распространение любой критики существующих порядков "крамольников" и инакомыслящих можно было привлекать к уголовной ответственности.

Причины спада и кризиса правозащитного движения в конце 70-х годов Козлов связывал с "кратковременным согласием населения и власти". Последнее стало возможным и по причине некоторого улучшения материального положения населения, и в связи со свертыванием критики культа личности Сталина. По мнению Козлова, "народный сталинизм" как общественное явление представлял собой "идеологическую оболочку для выражения недовольства режимом", поэтому Брежнев со своим откровенным "антихрущевизмом" и призывами к "объективной и взвешенной" оценке Сталина хотя и "разозлил интеллигенцию", но зато "умиротворил потенциальную простонародную оппозицию". В полном соответствии со своим подходом, Козлов полагает, что архаичное русское слово "крамола" - возмущение, мятеж, смута, измена, лукавые замыслы - гораздо точнее, чем понятие "инакомыслие", отражает "подозрительное отношение правящего коммунистического режима к образу мыслей своих подданных". Таким образом, то, что в любом демократическом государстве выступало как "органичное и приемлемое разномыслие", в СССР, согласно квалификации властей, являлось "крамолой". В другой своей работе он высказал основательную мысль о том, что "считать все волнения и беспорядки 50-60-х гг. борьбой с коммунистической системой, выражением тоски по свободе - значит романтизировать насилие и идеализировать "народ", предаваясь бессмысленному идеологическому самообману". В его трактовке проблемы, власть считала для себя "опасными" и преследовала не сами по себе альтернативные мысли, а в первую очередь "внесистемность" своих подданных, их нежелание и неумение вписаться в рамки "законопослушного гражданина" (См.: Козлов В.А. Крамола: инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953-1982 годы. // Отечественная история, 2003, N 4, Стр.93-111; Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953-начало 1980-х гг.). Новосибирск, 1999, Стр. 13).

Косыгинская реформа -

"могильщик" советской экономики ?

Как отмечалось в докладе председателя Совета Министров СССР А.Н.Косыгина на сентябрьском пленуме ЦК КПСС в 1965 г., решение экономических задач могло быть достигнуто только тогда, когда "централизованное плановое руководство будет сочетаться с хозяйственной инициативой предприятий и коллективов, с усилением экономических рычагов и материальных стимулов развития производства, с полным хозяйственным расчетом" (См.: Косыгин А.Н. Избранные речи и статьи. М., 1974, Стр. 268).

Для своего времени мысль о сочетании самостоятельности предприятий с централизованным управлением была прогрессивной. Однако, по свидетельству некоторых экономистов, всегда "трезвому реалисту" Косыгину в этом вопросе были свойственны иллюзии, поскольку он недооценивал "цепкость мертвящей бюрократии, ее способность к росту и экспансии". Вопреки расхожему мнению, как свидетельствовал ближайший косыгинский сподвижник и председатель Госплана СССР Н.К.Байбаков, Брежнев

поддерживал реформу, поскольку он "сознавал роль материальных стимулов". Однако, в отличие от Косыгина, он никогда не вдавался в тонкости и сложности экономического анализа и не владел необходимыми для этого знаниями. Так, Н.К.Байбаков в своих воспоминаниях писал, что когда он докладывал Брежневу проект народнохозяйственного плана на 1973 г., тот утомившись слушать, заявил: "Николай, ну тебя к черту! Ты забил нам голову своими цифрами. Я уже ничего не соображаю. Давай сделаем перерыв, поедем охотиться". После охоты "повеселевший" Брежнев "согласно кивал головой" и на заседании Политбюро "поддержал" проект плана (См.: Байбаков Н.К. От Сталина до Ельцина. М., 1998, Стр. 176-177).

Антиреформаторское большинство в Политбюро возглавлял Подгорный, который заявил: "На кой черт нам эта реформа, мы и так двигаемся неплохо". Этот критический настрой разделяли многие министры и члены ЦК КПСС.

Реформа предусматривала замену показателя "объем валовой продукции" показателем "объем реализованной продукции", который дополнялся установлением задания по объему производства в натуральном выражении важнейших видов промышленной продукции. Предусматривалось также изменение отношений между предприятиями и государственным бюджетом: у предприятия оставалась значительная часть прибыли, необходимая для образования фондов стимулирования. Вместо территориальных советов народного хозяйства (совнархозов) были созданы отраслевые министерства.

Еще в 1962 г. "Правда" опубликовала статью профессора Либермана "План, прибыль, премия". Сторонники этого идейного течения ратовали за предоставление большей автономии предприятиям, за то, чтобы им было позволено получать прибыль, которая, в свою очередь, обеспечит капитал для инвестиций и создаст материальную заинтересованность у рабочих и администрации. В случае проведения этих идей в жизнь решения руководства предприятий определялись бы не командами сверху, а рыночными законами спроса и предложения.

По мнению западных ученых, по своей сути эти идеи были разрушительны для существующей в Советском Союзе экономической системы.

По мнению большинства ученых, главное содержание экономической реформы состояло в переходе от преимущественно административных к преимущественно экономическим формам руководства промышленным производством. Полная самостоятельность предприятий должна была, по мысли Косыгина, привести к отказу от централизма путем постепенной эволюции системы государственного управления народным хозяйством в систему государственного регулирования деятельности предприятий. (См.: Премьер известный и неизвестный: Воспоминания о А.Н.Косыгине. М., 1997, Стр. 202). Однако учитывая настроения, царившие в высших эшелонах власти после недавней отставки Н.С.Хрущева, в своем докладе на пленуме Косыгин избегал употреблять слово "реформа", упомянув лишь, что предлагаемые меры есть "нечто вроде реформы". Ближайшие родственники брежневского премьера отмечали, что привычка скрывать свои мысли и чувства, приобретенная за годы сталинской службы, осталась у Косыгина "навсегда". Как свидетельствуют факты, экономическая реформа середины 60-х годов сыграла положительную роль: количественные и качественные показатели в 1966-1968 гг. улучшились, был дан толчок росту эффективности производства, совершенствованию системы материального поощрения работников. Однако реформа не была доведена до конца, полагают экономисты, и уже к концу 60-х годов "практически начала свертываться". Не произошло и реального расширения прав предприятий. (См.: Всемирная история

экономической мысли. Т. 6, Кн. I. М., 1997, Стр. 235-236).

Реализация косыгинской реформы по времени совпала с событиями 1968 г. в Чехословакии, что резко ослабляло позиции сторонников реформ на всех уровнях управления.

Трудноразрешимой дилеммой для Советского Союза оставалась и проблема разработки новейших технологий, необходимых для укрепления военно-индустриального комплекса. Значительная их часть, как свидетельствуют факты, в 70-е годы заимствовалась на Западе, когда Советский Союз делал все возможное, чтобы обойти эмбарго на поставку в нашу страну стратегического оборудования.

По мнению многих ученых, по своей сути косыгинская реформа "покушалась" на монополию государственной собственности, ее абсолютное доминирование в советской экономике, которое и приводило в конечном счете к застою. В этом заключалось внутреннее противоречие всей реформы.

Ряд историков считал, что в рамках реформы проводилась контрреформа - упразднение совнархозов и восстановление центральных отраслевых министерств, которые по замыслу реформаторов должны были стать проводниками научно-технического прогресса, а на деле превратились в оплот консервативных политических тенденций. Министерская бюрократия вкупе с местной осуществляли полный контроль за кадрами предприятий, налагали на них бремя "добровольных" обязательств и тем серьезно затрудняли их эффективную работу. Некоторые отечественные ученые вслед за западными при оценке косыгинской реформы отмечали, что она "имела роковые последствия для плановой системы". Во-первых, централизованные плановые задания не удалось органично сочетать с материальными стимулами и самостоятельностью предприятий - по мере проведения реформы две эти разнонаправленные тенденции все больше "противостояли и подрывали друг друга". Второе противоречие заключалось в том, что реформа произвела на свет новый тип предприятия, имеющего "обособленный от государства коллективный экономический интерес", поскольку труд работников этого предприятия в силу новых условий хозяйствования уже не был связан непосредственно с обществом в целом. Появилось понятие "мы", т.е. трудовой коллектив данного предприятия, и - "они", т.е. Госплан, министерства, другие предприятия. Поскольку речь шла о коллективах, насчитывающих нередко десятки тысяч человек, этот переворот в мышлении свидетельствовал о серьезных, кардинальных изменениях в социальной структуре советского общества. Вместе с новым социальным слоем стали быстро формироваться и соответствующие психология, новые стереотипы поведения людей. Таким образом, начала формироваться "армия могильщиков централизованного директивного планирования", разрушаться фундамент партии, которым "служили заводские парторганизации". (См.: Ольсевич Ю., Грегори П. Плановая система в ретроспективе: Анализ и интервью с руководителями планирования СССР. М., 2000, Стр. 42-49).

Высказанная Ольсевичем и Грегори версия заслуживает внимания, поскольку последующее движение нашей страны по пути рыночных реформ показало, что сегодня все меньшее число людей связывают свое будущее с социалистической моделью развития. Таким образом можно допустить, что некоторая часть населения еще в брежневские годы была воспитана в духе рыночной экономики, пройдя школу косыгинской реформы. Однако, на наш взгляд, этот аспект нельзя преувеличивать, придавать ему слишком большое значение, поскольку даже на предприятиях, затронутых косыгинской реформой, среди ее работников в основе своей преобладала психология социального иждивенчества, характерная для советских времен и выраженная в формуле: "мы делаем вид, что работаем, а они делают вид, что платят нам". Было бы исторической натяжкой наши сегодняшние представления о

рыночной экономике переносить в прежнюю эпоху и приписывать современные черты сознанию промышленных рабочих 60-80-х годов, весьма апатичных в своей массе к повышению производительности труда, которая не стояла в прямой связи с их заработной платой.

Почему советские генералы
проиграли афганскую войну ?

Именно таким был один из вопросов, заданный на пресс-конференции министру иностранных дел СССР Э.Шаварднадзе в Женеве в апреле 1988 г. в связи с решением советской стороны вывести свои войска из Афганистана. "Советские генералы не считают, что проиграли войну, - заявил Шаварднадзе, - сейчас созданы условия для прекращения вмешательства во внутренние дела Республики Афганистан, созданы и условия для вывода советских войск. Никакого поражения здесь нет". Министр также заявил, что советские войска пришли в Афганистан "по просьбе законного правительства Афганистана", в трудные для этой страны дни, имея "соответствующую юридическую и правовую основу". (См.: Вестник МИД СССР, 1988, N 8, Стр. 12-13; 1988 г., N 11, Стр. 47).

Спустя всего несколько лет видные советские дипломаты и военные однозначно заявили, что "самой серьезной по своим последствиям ошибкой" в области внешней политики брежневской эпохи был ввод советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. Эту акцию они расценивали как составную часть общей политики вовлеченности СССР в вооруженные конфликты в других странах. По их мнению, уже к 1981 г. "большинству способных реалистически мыслить" советских руководителей стало ясно, что "не может быть военного решения" афганской проблемы (См.: Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Глазами маршала и дипломата: Критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 г. М., 1992, Стр. 46-47).

В декабре 1989 г. Комитет Верховного Совета СССР по международным делам в своем сообщении отметил, что решение о вводе войск заслуживает "морального и политического осуждения", что это решение было принято "в нарушение Конституции СССР", что оно было принято "узким кругом лиц" в составе Л.И.Брежнева, занимавшего в тот момент посты генерального секретаря ЦК КПСС, председателя Президиума Верховного Совета СССР, председателя Совета обороны и Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР, министра обороны СССР Д.Ф.Устинова, председателя КГБ Ю.В.Андропова и министра иностранных дел А.А.Громыко (См.: Хрестоматия по отечественной истории. 1946-1995. М., 1996, Стр. 229-231).

С самого начала между Афганистаном и Советской Россией устанавливались добрососедские отношения; Афганистан всегда сохранял верность своему нейтралитету в отношении России. В апреле 1978 г. в результате переворота, организованного группой офицеров, многие из которых прошли военное обучение в СССР и считали себя марксистами, был образован Военный Революционный Совет, который объявил о начале в Афганистане национально-демократической революции. Земельная реформа, которая осуществлялась в основном городскими партийными кадрами, не вызвала поддержки и доверия афганского крестьянства. Такая же неподготовленность новых властей проявилась и при проведении кампании по борьбе с неграмотностью. Социалистическое мировоззрение и атеистические убеждения "революционеров", быстро погрязших во внутривластных склоках, наталкивались на глубокую враждебность населения с племенными отношениями и мусульманской культурой. Большую часть населения составляло безземельное и малоземельное крестьянство, огромную роль в жизни страны играла мусульманская

интеллигенция. Очень скоро оппозиция новой власти переросла в вооруженное сопротивление, в стране все сильнее разгоралась гражданская война. В результате к концу 1981 г. в соседнем Пакистане находилось более 2 млн афганских беженцев. (См.: Актуальные проблемы афганской революции. М., 1984, Стр. 151-172, 651-659; Апрельская революция 1978 г. в Афганистане: Реф. сб. М., 1982, Стр. 46-48, 200-204).

Согласно официальной советской версии, кабульское руководство в 1979 г. неоднократно обращалась к СССР с просьбой о присылке советских воинских подразделений, но каждый раз в Москве "выявлялось общее понимание недопустимости посылки войск". Осенью 1979 г. позиция СССР изменилась, т.к. появились опасения, что в Кабуле может установиться враждебное Советскому Союзу правительство исламистского или проамериканского толка. Решающее же значение, по мнению большинства историков, сыграло то обстоятельство, что СССР боялся "потерять" страну, ставшую на путь "революционных преобразований". Как заявил корреспонденту "Правды" Л.И.Брежнев, "настал момент, когда мы уже не могли не откликнуться на просьбу правительства дружественного нам Афганистана. Поступить иначе, означало бы отдать Афганистан на растерзание империализму, означало бы смотреть пассивно, как на нашей южной границе возникает очаг серьезной угрозы безопасности Советского государства" (См.: Внешняя политика Советского Союза и международные отношения: Сборник документов. 1980 год. М., 1981, Стр. 7-8).

Получив известие о событиях в Афганистане, США обвинили Москву в "экспорте революции" с целью выхода к "теплым морям", а затем попытались оказать на СССР давление.

Американский президент Картер заявил, что "советская акция - самая большая угроза миру после второй мировой войны", а ее главная цель - непрерывное движение к тепловодным портам для "установления контроля за мировыми запасами нефти".

Заключение афгано-советского договора в 1978 г. вызвало негативную реакцию КНР, который характеризовал его как "военный агрессивный союз", угрожающий безопасности стран региона и КНР. Оценка ввода советских войск в Афганистан в социалистических странах и у ряда коммунистических партий не была однозначной: особую позицию заняли Югославия и Румыния; с осуждением выступили компартии Англии, Испании, Италии, Японии и ряда других стран. В ноябре 1983 г. за вывод "иностранных" (т.е. советских) войск из Афганистана на 43 сессии Генеральной Ассамблеи ООН голосовали 116 стран мира. (См.: Актуальные проблемы афганской революции. М., 1984, Стр. 299-308, 312).

Ввод и размещение контингента советских войск в Афганистан проводилось с 25 декабря 1979 г. до середины января 1980 г. В его состав входили управление 40-й армии с частями обеспечения и обслуживания, 4 дивизии, 5 отдельных бригад, 4 отдельных полка и 4 полка боевой авиации, 3 вертолетных полка, а также отдельные подразделения пограничных войск. Всего в войсках, находившихся на территории этой страны, прошло военную службу 620 тыс военнослужащих, из которых 14 453 человека погибло. Санитарные потери составили 470 тыс человек (См. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993, Стр. 394-406).

Первоначально планировалось, что советские части и соединения разместятся гарнизонами и возьмут под охрану важные объекты. Однако начиная с весны 1980 г. советские войска стали участвовать в ведении активных боевых действий, в т.ч. широкомасштабных.

Вторгшись в нейтральную и суверенную страну, охваченную гражданской войной, советские войска - вольно или невольно - стали рассматриваться местным населением как оккупанты со всеми вытекающими из этого факта последствиями. Именно поэтому, несмотря на свое техническое и военное превосходство, советская армия и ее генералы проиграли войну в

Афганистане.

Как заявил в 1992 г. один из самых ярких афганских военачальников Ахмад Шах Масуд, "благодаря воле Создателя, удалось победить крупнейшую сверхдержаву и очистить от коммунизма не только свою родину, но и другие страны". (См.: Бабаханов У., Черняк И., Ганелин А. Афганистан: весна тревожит и пьянит // Комсомольская правда, 9 мая 1992 г.). Именно так оценивалось лидерами афганской оппозиции советское военное присутствие в этой стране.

Война не пользовалась популярностью в советском обществе: многие люди задавались вопросом - ради чего молодые люди должны сражаться и погибать в Афганистане? Прессе было дано указание молчать, но советское руководство так и не поняло, что по мере вовлечения СССР в захватническую войну с чужим народом проблема превратилась из внешней во внутреннюю, разъедаая и без того прогнивший режим.

Список аннотированной литературы

к лекции: Эпоха "застоя": pro et contra. 1965-1985 гг.

1. Авторханов А. Сила и бессилие Брежнева: Политические этюды. Франкфурт-на-Майне, 1980.

В книге политолога-эмигранта рассмотрены внутренние и внешние аспекты политики Брежнева - "супербюрократа" и "эпигона", который проводил в жизнь волю триединой реальной власти в СССР: партаппарата, политической полиции и армии.

2. Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР: Новейший период. Вильнюс-Москва, 1992. Первое в отечественной историографии обобщающее сочинение по проблемам диссидентства.

3. Амальрик А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? Амстердам, 1970. Исторический прогноз-размышление известного диссидента о положении Советского Союза и о том, что может ждать его в будущем.

4. Зиновьев А.А. Зияющие высоты. В 2-х т. М., 1990.

Блестящая сатира известного советского философа на царившие в СССР общественные отношения и на власть. Издана на Западе в 1976 г., в 1978 г. ее автор был выслан из страны.

5. Леонид Брежнев в воспоминаниях, размышлениях, суждениях. Ростов-на-Дону, 1998.

Материал воспоминаний сгруппирован по нескольким тематическим разделам: карьера, семья, увлечения и пр. Представлены различные оценки людей, близко знавших или работавших с Брежневым.

6. Народное хозяйство СССР. 1922-1982: Юбилейный статсборник. М., 1985

Официальной советской статистикой представлены основные достижения Советского Союза за пятьдесят лет его существования.

7. Премьер известный и неизвестный: Воспоминания о А.Н.Косыгине. Сост. Т.И.Фетисов. М., 1997.

Авторы первой в отечественной историографии книги о председателе Совета Министров СССР, крупном экономисте, организаторе хозяйственной реформы 60-х годов рассказывают о жизни и деятельности видного руководителя советского государства.

8. Рязанов В.Т. Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX-XX вв. СПб., 1998.

Исследуются исторические особенности функционирования российского хозяйства, выявлены присущие ему факторы, условия и ограничители, показан характер

взаимодействия с мировым хозяйством, объяснены причины смены рыночных реформ контрреформами.

9. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. В 2-х т. М., 1997
Сборник посвящен основным дискуссионным проблемам отечественной истории советской эпохи, в нем учтены многие историографические достижения последних лет.

10. Тюрина А.П. Социально-экономическое развитие советской деревни. 1965-1980 гг. М., 1982

На основе большого архивного и статистического материала рассмотрены экономические отношения в сельском хозяйстве СССР в брежневскую эпоху, причины отставания аграрного сектора советского народного хозяйства.